

Вестник Древней истории

№ 4 (1938 год)

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Древней истории: № 4 (1938 год) / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 369 с.

ISBN 978-5-458-53043-9

"Вестник древней истории" - журнал института всеобщей истории АН СССР. Основан в 1937 в Москве. Публикует исследовательские статьи, рецензии, критику и библиографию по древней истории, хронику научной жизни.

ISBN 978-5-458-53043-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны». «Все зависит от условий, места и времени». В этом первом и основном примере применения диалектического метода выражена вся сущность и с т о р и ч е с к о г о подхода к миру общественных явлений. Без такого подхода не может и существовать наука об истории. Всякий иной подход или с точки зрения «вечной справедливости» в буржуазной истории, или с точки зрения «сегодняшнего дня» у «школы» Покровского превращает историческую науку «в хаос случайностей и в грудку нелепейших ошибок».

Таким образом, и с т о р и ч е с к и й подход—это первое требование к марксистской исторической науке. Без выполнения этого требования не может быть истории, как науки, а историка, как ученого.

II. «Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам». Отсюда другое требование к марксистской исторической науке—рассматривать смену форм общественного развития, одного строя другим, как з а к о н истории общества, показавший себя как в прошлом (например смена феодализма капитализмом), так и в настоящем (смена капитализма социализмом). Закон этот имеет исключительное значение для партии рабочего класса, ибо он заставляет смотреть вперед, а не назад,—главное условие, чтобы не ошибиться в политике. Историк-марксист должен помнить, что этот закон смены общественных форм требует от него, чтобы он подходил к историческому исследованию, как революционер-большевик, а не как реформист.

III. «Если переход медленных количественных изменений в быстрые и внезапные качественные изменения составляет закон развития, то ясно, что революционные перевороты, совершаемые угнетенными классами, представляют совершенно естественное и неизбежное явление». Отсюда, следовательно, вытекает третье требование к марксистской исторической науке — изучать переход медленных количественных изменений в качественные, процесс возникновения нового общественного строя путем революционных переворотов. Значение этого закона громадно для партии рабочего класса, ибо он учит, что переход от капитализма к социализму возможен не путем реформ, а путем революции. И, чтобы не ошибиться в политике, надо быть не реформистом, а революционером.

Таким образом, историк-марксист, изучая переход количества в качество в истории общества, не только правдиво раскрывает исторический процесс, но, вместе с тем, раскрывает закон падения капитализма, утверждает неизбежность перехода к социализму путем революции.

IV. «Если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновений противоположных сил на базе этих противоречий, с тем, чтобы преодолеть эти противоречия, то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением». Следовательно, з а к о н классовой борьбы—неизбежное явление всех антагонистических общественных формаций. Таким образом, четвертое требование к марксистской исторической науке заключается в изучении классовой борьбы, столкновения противоположных

сил на базе классовых противоречий, ибо только путем столкновения этих сил достигается преодоление противоречий. Громадное значение этого закона для партии рабочего класса заключается в том, что он учит не замазывать классовые противоречия, а вскрывать их и доводить классовую борьбу до конца.

Таким образом, историк-марксист, изучая классовую борьбу в истории, законы ее развития, ставит историческую науку на службу социализму; ибо историк показывает историческую правду, именно, что только социализм может преодолеть все противоречия капиталистического общества и вывести человечество в счастливую фазу своего развития.

Таково применение четырех основных сторон диалектического метода к историческим явлениям, таковы те четыре закона общественного развития, которые отсюда вытекают, и таковы те четыре требования к марксистской исторической науке, без выполнения которых не может быть выполнено научно, правдиво, т. е. марксистско-ленински, ни одно историческое исследование.

Все значение истории, как науки, поднимается во весь свой рост в результате применения диалектического метода. История становится в ряд точных наук, она вооружает человека практическим опытом, знанием законов общественного развития. Как явления в природе связаны между собою закономерностью развития природы, так и взаимная обусловленность явлений общественной жизни представляет собою закономерности развития общества. И дело историка-марксиста — исследовать и открывать эти закономерности.

Как наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, так и общественная жизнь познаваема. Следовательно, данные исторической науки о законах развития общества являются также достоверными данными, имеющими значение объективных истин. И дело историка-марксиста установить эти объективные истины и вооружить ими массы народа. В этом задача служения исторической науки народу.

Как природа, бытие или материальный мир является первичным, а сознание, мышление — вторичным, так и материальная жизнь общества, его бытие является основным, а духовная жизнь людей — производным. Материальная жизнь общества есть объективная реальность, существующая независимо от воли людей, а духовная жизнь есть производное, она есть отражение этой объективной реальности. Отсюда задача историка-марксиста искать источники формирования идей, теорий, учреждений не в самих идеях, теориях, учреждениях, а в материальных условиях жизни общества. Колоссальное значение этого факта в том, что он учит партию рабочего класса исходить в своей политике не из мечтаний, не из отвлеченных принципов, не из пожеланий «великих людей», а из реальных потребностей материальной жизни общества.

«Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается в своей практической деятельности именно на потребности развития материальной жизни общества, никогда не отрываясь от реальной жизни общества».

Все эти положения марксизма-ленинизма поднимают роль исторического знания, назначение исторической науки и подчеркивают практическое применение исторических законов для социалистического строительства.

«Значит, наука об истории общества,—читаем мы в «Кратком курсе»,—несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения».

Краткое изложение этой части IV главы показывает, какие новые задачи ставятся теперь перед передовой, марксистской исторической наукой. Историки нашей страны должны подняться до уровня этих задач, взяться за глубокое изучение прошлого человеческой истории, вскрыть законы развития общества, передать это массам, вооружить их для социалистического строительства и тем самым оправдать назначение истории, как науки.

*

Далее в IV главе излагается то необычайно важное для историка, что может быть названо марксистско-ленинской схемой исторического процесса.

Если «условия материальной жизни общества» определяют в конечном счете физиономию общества, то спрашивается, что надлежит подразумевать под ними?

В «условия материальной жизни общества» входит географическая среда, т. е. окружающая общество природа. Это очень важный момент при историческом изучении общества и совершенно неоправдываемо со стороны историков пренебрежение этим моментом. Но каким бы важным моментом ни являлась географическая среда, она не может служить определяющей причиной общественного развития. Много происходило социальных переворотов в Европе в течение последних трех тысяч лет, тогда как за этот период изменений географических условий в Европе или совсем не было или они были незначительны. Следовательно, причины переворотов вовсе не в географической среде.

В понятие «условий материальной жизни общества» входит и рост народонаселения и та или иная плотность населения. В историческом анализе общества историк не имеет права пренебрегать и этим моментом. Но и этот момент не может служить определяющей причиной развития общества. Плотность, например, населения Бельгии выше, чем в США, и еще больше, чем в СССР. Однако Бельгия отстала от США, а от СССР Бельгия отстала на целую историческую эпоху.

Главной силой в системе материальных условий жизни общества и определяющей физиономию общества является не географическая среда, не народонаселение, а способ добывания средств к жизни, способ производства материальных благ.

Одну сторону способа производства составляют производительные силы: орудия производства, люди, приводящие в движение эти орудия, и производственный опыт, навыки к труду.

Другую сторону способа производства составляют производственные отношения: отношения людей в процессе производства материальных благ.

И производительные силы и производственные отношения охватываются в способе производства, как воплощение некоего единства.

В историческом процессе, как он представляется марксистско-ленинской теорией, три особенности материального базиса общества бросаются в глаза историку-исследователю.

Первая особенность состоит в том, что производство никогда не застывает на одной точке и находится в состоянии изменения и развития, причем изменение в способе производства неизбежно вызывает изменение всего общественного строя, общественных идей, политических учреждений. На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства. В соответствии с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, политические учреждения бывают различные.

Следовательно, историку ключ к изучению законов развития общества надо искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, который господствует в каждый данный исторический период.

«Значит, первой задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» («Курс истории ВКП(б)», стр. 116).

Вторая особенность производства состоит в том, что производительные силы или наиболее подвижный и революционный элемент производства определяют собою все изменения производственных отношений. Это не значит, что производственные отношения—пассивный элемент; нет, они сами могут активно действовать на производительные силы, ускоряя или замедляя их развитие. Производственные отношения могут в определенные периоды отставать от развития производительных сил, и тогда появляется несоответствие между тем и другим, что в классовых обществах преодолевается путем социальных революций. Производственные отношения не должны отставать от производительных сил и поэтому после переворотов они вступают вновь в соответствие с уровнем производительных сил. Таким образом, назначение социальной революции состоит в том, чтобы разрушить старые, отсталые производственные отношения и создать новые, соответствующие характеру производительных сил.

Третья особенность производства состоит в том, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей» (стр. 123). Так получается потому, что люди не свободны в выборе того или иного способа производства; ведь способ производства зависит от исторической ступени развития производительных сил. Так получается еще и потому, что, улучшая то или иное орудие труда, «люди не сознают, не понимают и не задумываются над тем, к каким общественным результатам должны привести эти улучшения...» (стр. 124). «Это, однако, не значит, что изменения производственных отношений и переход от старых производственных отношений к новым протекает гладко, без конфликтов, без потрясений. Наоборот, такой переход происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых» (стр. 126).

Из характеристики этих трех особенностей производства видно, что диалектика производственного процесса, развития способов производства, смены одного общественного строя другим в результате социальных переворотов образует собою сущность исторического процесса. Эта сущность

исторического процесса прекрасно может быть прослежена на конкретных примерах развития тех ступеней в истории общества, которые известны, как пять основных типов производственных отношений.

В IV главе дается схема исторического процесса в соответствии с этими пятью основными типами производственных отношений: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический, как ступени развития человечества.

Первобытно-общинный строй—это первая ступень или форма общества. Появление ее связано с происхождением человека, с возникновением первого человеческого коллектива на базе весьма низкого уровня производительных сил: главным образом, каменных орудий труда. Общий труд здесь вел к общей собственности на средства производства. Здесь нет эксплуатации, нет классов. В истории людей нельзя недооценивать все значение этой первой ступени в развитии производственных отношений. «Процесс труда начинается только с изготовления орудий» (Энгельс), с изобретения впервые орудий труда, и этот именно процесс сопутствовал очеловечению обезьяны. Связанная с происхождением человека, с возникновением общества первая ступень истории людей—первобытно-общинный строй—требует марксистского изучения, причем это должно быть в центре работы археологов, этнографов и историков первобытного общества.

По мере развития орудий труда, роста производительных сил возникает рабовладельческий способ производства. Появляется частная собственность на средства производства, а также на работника производства—раба, которого рабовладелец может продать, купить, убить, как скотину.

«Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства,—здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами». «Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником». «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые—полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними—такова картина рабовладельческого строя» («Курс истории ВКП(б)», стр. 119—120).

В историческом процессе рабовладельческий строй был неизбежной и прогрессивной фазой в развитии общества. «Даже для рабов это было прогрессом»,—говорит Энгельс, ибо раньше военнопленные убивались, теперь они, как правило, использовались в производстве на положении рабов. В эту эпоху стало возможным накопление богатств, средств производства в руках отдельных лиц, и для той эпохи это способствовало подъему производительных сил. На базе этого более высокого, по сравнению с первобытно-общинным, рабовладельческого строя создавалась и более сложная и богатая культура, примеры которой известны нам из истории древних Греции и Рима по преимуществу.

Все закономерности общественного развития при рабовладельческом способе производства принимают совершенно иной характер, чем при первобытно-общинном строе. Специфический характер частной собственности, которая включила в себя и собственность на человека, своеобразный характер торгового обмена, преимущественно внешнего («мирового», по выражению Маркса), а не внутреннего, особая роль войны, как средства приобретения рабов и богатств, своеобразная форма демократии, только для свободных и в целях господства над рабами, и, наконец, особая форма революции рабов, изменявшая эксплуатацию, но не отменявшая ее,—все

это те специфические явления рабовладельческого строя, которые историк-марксист должен смело, глубоко научно поставить и исследовать в свете указаний «Краткого курса».

Следующей прогрессивной ступенью в историческом процессе явился с т р о й ф е о д а л и з м а. Дальнейшее развитие техники производства, накопление производственного опыта, подъем производительных сил в целом требовали, «чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве, склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как незаинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая». Крепостного феодал уже не мог убить, но мог продать, купить его.

Возникший новый, феодальный способ производства обеспечивал дальнейшее развитие частной собственности, форм производительного труда, накопление богатств, подъем производительных сил.

«Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве,—она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя» (стр. 120).

На базе этого способа производства складываются новые закономерности общественного развития, отличные от таковых при рабстве. Иная техника, новые виды ремесла в городах, другие типы сельскохозяйственных латифундий, новые классы и новый характер классовой борьбы, совершенно другая культура, другой комплекс идей, теорий и даже религиозных представлений, — все это явилось уже на базе феодального способа производства и в результате закономерностей его развития.

Четвертым типом производственных отношений в поступательном развитии человечества явился к а п и т а л и с т и ч е с к и й с т р о й.

«При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работников производства—наемных рабочих, которых капиталист не может ни убить, ни продать, ибо они свободны от личной зависимости, но которые лишены средств производства и, чтобы не умереть с голоду, вынуждены продавать свою рабочую силу капиталисту и нести на шее ярмо эксплуатации».

На этой ступени развития производительных сил появились невиданные ранее грандиозные фабрики и заводы, вооруженные сложнейшими машинами, появились крупные капиталистические экономии с применением агротехники и сельскохозяйственных машин. Работники производства стали более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней. Вот почему «капиталисты предпочитают иметь дело со свободными от крепостных уз наемными рабочими» (стр. 121).

В связи с этим возникают новые закономерности в историческом процессе. Новое производство, новые классы, новый характер классовой борьбы, новая, более высокая техника, наука и культура в целом,—все это резко отличает капиталистическое общество от предшествующих обществ и требовало от историков, экономистов, философов специального изучения этого общества. И громадную роль в изучении этого общества, в раскрытии его закономерностей сыграли Маркс и Энгельс.

Основоположники марксизма отметили главное в развитии капиталистического строя—именно противоречие между его общественным характером производства (требующим и общественной собственности) и частной собственностью на средства производства. Это противоречие дает о себе знать в периодические кризисы перепроизводства, «когда капиталисты, не находя платежеспособного спроса ввиду ими же учиненного разорения массы населения, вынуждены сжигать продукты, уничтожать готовые товары, приостанавливать производство, разрушать производительные силы». «Это значит, что капитализм чреват революцией, призванной заменить нынешнюю капиталистическую собственность на средства производства социалистической собственностью» (стр. 121).

Пятым типом производственных отношений является социалистический строй, осуществленный пока что только в СССР.

Во всемирно-историческом процессе—это высшая ступень развития, это—подлинное завоевание человечества.

«Здесь уже нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Произведенные продукты распределяются по труду, согласно принципу: «кто не работает, тот не ест». Взаимные отношения людей характеризуются здесь, как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Здесь производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства».

Эта новая, поистине счастливая ступень человеческого развития не знает нелепостей перепроизводства, классовых антагонизмов, каких-либо препятствий к новому, еще большему подъему производительных сил, она создает все условия для творческого развития всех и каждого в отдельности; она создает новую, невиданную по своему богатству, культуру.

Исторический процесс развития человечества приводит к новой фазе всемирной истории. Таков неизбежный и закономерный результат социальной борьбы на той ступени, «на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы...» (Из предисловия Энгельса к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии»).

Такова в общих чертах схема исторического процесса, как она рисуется марксистско-ленинской теорией и как она изложена в IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)».

Нечего говорить о том, какова познавательная сила марксистско-ленинской теории исторического процесса. Она ориентирует в прошлом, вооружает для борьбы в настоящем, дает знания для предвидения будущего. Следовательно, велика не только познавательная сила, но и сила практического применения марксистско-ленинской теории в жизни.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса ставит перед работниками теоретического фронта ряд больших и ответственных задач. И в особенности перед историками нашей страны. Данные в IV главе указания необходимо применить к обширному историческому материалу, разработать этот материал, вскрыть закономерности развития самых различных сторон человеческой истории, оплодотворить марксистскую схему исторического процесса новыми выводами, новыми положениями,

вооружить ими массы советского народа и тем самым двинуть вперед самую марксистско-ленинскую теорию.

В процессе социалистического строительства велика роль исторической науки. Выход «Краткого курса истории ВКП(б)»—лучшее тому доказательство. Изучение боевого опыта большевистской партии, страстная жажда овладения большевизмом, упорная работа советской интеллигенции над изучением прошлого для теоретического марксистского вооружения, без которого немислима творческая созидательная работа на любом участке социалистического строительства,—лучшая оценка исторической науки в стране Советов.

Около 20 лет тому назад В. И. Ленин особенно подчеркивал значение разработки, усвоения и овладения различными завоеваниями в истории человечества. «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить» (Соч., т. XXV, стр. 387).

Именно эта задача, поставленная еще Лениным, требовала создания великой исторической науки в нашей социалистической стране. Выход сталинского «Курса истории ВКП(б)» является основой для дальнейшего развития великой исторической науки в СССР. За историками-марксистами теперь остается—на этом гранитном фундаменте большевизма строить прекрасное здание исторической науки, творить марксистские исследования во всех областях исторического знания.

Полная сталинской глубины, изложенная в IV главе схема исторического процесса двигает историческую науку вперед, открывает для историков увлекательные перспективы их работы, ставит историческую науку на службу счастливому советскому народу, перед которым не скроются никакие тайны природы, не устоят никакие враждебные поступательному ходу истории силы в человеческом обществе.

А. Мишулин

РУССКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ, ЕГО ПРОШЛОЕ, ЕГО ЗАДАЧИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Акад. С. А. Жебелев

Если на Западе византиноведение, как самодовлеющая дисциплина, считает своим родоначальником Дюканжа (1610—1688), то у нас это место должно быть отведено В. Г. Васильевскому (1838—1899)¹.

Подобно многим из наших византологов, Васильевский перешел к занятиям Византией не с начала своей научной деятельности. Тема его магистерской диссертации («Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», СПб, 1869) относится к области древнегреческой истории (реформы Агиса и Клеомена). Когда Васильевский в 1870 г. вступил в число преподавателей СПб университета, ему было поручено чтение лекций по средневековой истории, и первый курс, который он читал в университете, был посвящен обзору источников Первого крестового похода. А два года спустя появилась работа Васильевского—«Византия и печенеги», где были представлены в совершенно новом свете события, предшествовавшие Первому крестовому походу, поводы к нему, выяснена роль печенегов в истории Византии, связь их с сельджуками и пр. За этой статьей последовала в 1876 г. статья «Из истории Византии XII в.», имеющая отношение к истории Второго

---

¹ О Дюканже см. в книге Васильевского—«Обзорение трудов по византийской истории», СПб, 1890, 116—140. Книга содержит, как может показаться с первого взгляда, не обзор источников византийской истории, но обзор трудов по изданию и непосредственному объяснению источников, начиная с эпохи итальянского Возрождения и до конца XVIII в.; предполагавшееся продолжение, где должен был быть затронут XIX в., не появилось, и благодарной задачей было бы неоконченную работу Васильевского продолжить и довести ее до современного состояния византиноведения на Западе и у нас. Сам Васильевский называл «патриархом» византийских занятий у нас профессора СПб университета Г. С. Дестуниса (1818—1895), который, будучи филологом-классиком, ввел в университете преподавание византийских древностей и литературы, а также издал переводы, исполненные его отцом и им «поновленные», трактатов Прокопия Кесарийского о войнах римлян с персами, вандалами и готами, сказаний Приска Панийского, снабдив эти переводы предисловиями и комментариями. Дестунис-сын издал несколько византийских текстов и исследований на историко-литературные темы из византийской истории. О Дестунисе см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб университета за третью четверть века его существования», СПб, 1896, 1, 232 сл. В том же словаре, при краткой автобиографии Васильевского, помещен список его ученых трудов (стр. 121), дополненный в некрологе Васильевского, составленном П. В. Безобразовым [«Виз. Временник», VI (1899)]. Наиболее подробная оценка трудов Васильевского по византиноведению принадлежит Ф. И. Успенскому в составленном им его некрологе, ЖМНП, 1899, октябрь.

крестового похода. Эти первые работы Васильевского, касающиеся Византии и имеющие очень важное значение, открывают длинный ряд работ его, относящихся к византийской истории вообще и к начальному периоду русской (а также болгарской) истории в частности. Все эти работы, объединенные в четырех томах его «Трудов», изданных Академией наук (1908—1930), основаны были как на изучении материалов ранее известных, но объясненных по-новому и приведших автора к выводам, прочно теперь усвоенным наукой, так и на привлечении материалов, впервые пущенных им в научный обиход. Все эти работы вызвали восхищение уже при их появлении и снискали Васильевскому громкую славу не только у нас, но и за границей; более того, именно работы Васильевского заставили зарубежных византологов учиться русскому языку, и не только потому, что эти работы содержали в себе важные результаты, но и потому, что результаты эти были получены благодаря образцовой методике исследования. И теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности. По ним все последующие поколения византологов учились, а будущие должны учиться.

В числе слушателей первого университетского курса Васильевского был и Ф. И. Успенский (1845—1928), тогда студент IV курса. Успенский, не менее, чем Васильевский, — громкое имя в истории византиноведения¹. Успенский был долгое время профессором в Одессе, затем директором основанного по его инициативе Русского археологического института в Константинополе. Многочисленные труды Успенского, при видимом их разнообразии, представляют, до некоторой степени, единое целое. В центре их стоит Ближний Восток, изучение греко-славянского мира в средние века и Византии. Главное внимание Успенского привлекали вопросы, касающиеся землевладения и положения сельского населения в Византии, отношения между социальными классами, вопросы церковно-религиозные и философские, умственное движение в Византии, славянские древности. Уже на склоне дней своих Успенский издал труд синтетического характера — «История Византийской империи». Первый том его (в нем изложение доведено до 717 г.) вышел в свет в 1913 г.; в 1926 г. вышла первая часть второго тома, прерывающаяся на «всемирно-историческом значении Кирилло-Мефодиевского вопроса»; вторая часть второго тома, где изложение должно было быть доведено до 1081 г., и третий том, завершающийся взятием Константинополя, не увидели света. Чтобы судить о том, как разнообразны были научные интересы Успенского, достаточно припомнить его наиболее обширные труды: «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон» (СПБ, 1874), «Образование второго Болгарского царства» (Одесса, 1879), «Очерки по истории византийской образованности» (СПБ, 1892), «Очерки по истории Трапезундской империи» (Л., 1929) и др. Судьба послала Успенскому более долгий век, чем Васильевскому, и до конца дней своих он не переставал интересоваться византиноведением и трудиться на пользу его. Свое отношение к византизму Успенский хорошо оттенил в своей речи при открытии Археологического института в Константинополе. С общенаучной точки зрения, указывал Успенский, византизм имеет важное значение для тех народов, которые входили в сферу влияния Восточной империи, но влияние византизма распространялось и на Западе. Хотя с национально-рус-

¹ Общий очерк научной деятельности Успенского и список его ученых работ см. в брошюре «Памяти академика Ф. И. Успенского», изданной Академией наук в 1929 г.